

# ГАЛЕРЕЯ

ИЮНЬ 2014 № 2

ИЗДАНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЛЕРЕИ ГОРОДА КОСТРОМЫ

## НАРИСУЙ МНЕ ЭТО

**Необычный проект объединил двух московских художников-экспериментаторов Клару Голицыну и Анатolia Пурлика. Дебют состоялся в Москве на площадке «Фабрика» в марте сего года. Сейчас он разместился в залах художественной галереи (23.05-29.06).**

**Клара ГОЛИЦЫНА** родилась в 1925 году. В 1949 окончила Московский полиграфический институт. Затем работала художником Таджик Госиздата (Душанбе), 20 лет делала плакаты для коллегий министерства на космические темы. С 1982 года - свободный художник. Ее работы давно стали классикой и находятся в коллекциях Третьяковской галереи, Русского музея, Московском музее современного искусства, художественных музеях Ярославля, Новосибирска, Омска, Кемерова, музея РГГУ, музея «Новый Иерусалим», галереях Лондона, США.

**Анатолий ПУРЛИК** - художник, родился в 1956 в Тайшете (Восточная Сибирь). Живет и работает в Москве.

**Представляет проект московский искусствовед Лия Адашевская.**

Если художник пишет картину, глядя не на натуру, а на фотографию, это называется использование фотографии в качестве эскиза. Кто этим только не занимается, начиная с прерафаэлитов. Художник может использовать фотографию и в качестве «полуфабриката», если речь идет о фотореализме. А если эту фотографию сделал не сам художник, а другой человек? Речь не об апpropriации, поскольку налицо разные способы получения изображения. И к тому же художник указал имя фотографа. Но не является ли в этом случае фотограф соавтором художника? А если художник, например, сохраняет масштабное соотношение объектов и фона и композицию, но при этом пишет далеко не в реалистичной манере? Наверное, это можно назвать цитированием. А если художник еще и помещает эти фотографии рядом со своими работами, попутно облегчая задачу будущему исследователю его творчества? Возможно, в этом случае его интересует проблемы взаимоотношения реальности и искусства. Или вопрос, насколько возможен взгляд на реальность глазами Другого? И если да, то, что отразится в твоих собственных глазах? А может, в конце концов, художник просто таким образом отдает должное фотографии, ибо именно с ее изобретением возрастает значение личного видения. Она освободила живопись от утилитарной функции —



изобразительной фиксации факта, подтолкнув оную к авангарду, обретению независимой и самодостаточной эстетической ценности.

Примерно так я рассуждала, глядя на новую живописную серию Клары Голицыной «Нарисуй мне это», пластически решенную в русле «Логических построений», формальных поисков последнего периода. Это удивительное совмещение конкретики и абстракции, линеарности и открытой чистоты цвета, декоративности и конструктивизма, и, наконец, плоскости и пространственности, когда последнее возникает не за счет светотеневой моделировки, а, как это не парадоксально, в результате схематичного изображения реального мотива, помещенного в абстрагирующие «строительные леса» лучеобразных линий.

Фотографии Пурлика отнюдь не эстетизированные. И то, что они фиксируют столь же обыденно, непритязательно — прозрачный стакан с недопитым вином, блокнот, ручка; фрагмент интерьера или архитектурной постройки, кошка, спящий бомж, двое за столиком в пивном баре, пустые консервные банки и тому подобное. Собственно, это все та же проза жизни и повседневность, которые и раньше привлекали Клару Голицыну, оказываясь в центре ее живописно-пластических экспериментов. Разница в данном случае в том, что рамирует изображение и задает его масштаб не сама художница, а автор снимков. И это уже можно интерпретировать, как поворот к весьма острой сегодня теме нашего отношения к информации, поставляемой медиа. Вопрос в том — кто видит, как видит, и как он это преподносит? Кто владеет средствами производства смыслов, тот и определяет образ видимого (через те же СМИ). Но должно ли ограничиваться взглядом

Другого наше представление о действительности? И возможно ли выйти за рамки? Возможен ли доступ к исключенному, оставшемуся за пределами кем-то установленной границы?

Бытует мнение, что фотография представляет мир, захваченный врасплох, имеющий мало общего с условной статичностью обычного изобразительного искусства, как то: картина, скульптура, графика. Картичная рама поляризует пространство вовнутрь, в то время как фотография имеет тенденцию бесконечно продолжаться вовне. То есть картина центростремительна, а фотография центробежна в силу незавершенности кадра в его пределах, что обусловлено самим принципом фотографирования, ведь рамка фотокадра лишь условность, и зачастую его содержание связано с тем, что осталось за границей представленного, с тем, что «не вместилось». Клара Голицына не то, чтобы опровергает это представление, скорее, наоборот, она акцентирует условность любого кадрирования. И здесь важную роль играет само это энергетически заряженное расчлененное пространство. Извлекая объекты фотографий из конкретного окружения и помещая их в абстрагированную среду, Голицына как бы освобождает их от этого вроде случайного, незаинтересованного, но на самом деле властного чужого взгляда. И одновременно с тем она в определенном смысле соревнуется с фотографией, преступая порог недоступного ей. Но не в плане состязательности в точности имитации натуры, что очевидно, а именно в этой устремленности за пределы видимого, вернее явленного. Хаотичная или квазиологичная геометрия линий децентрирует изображение, делая текстом все, тем самым сообщая ему эффект ауратичности, того, «что после физики».

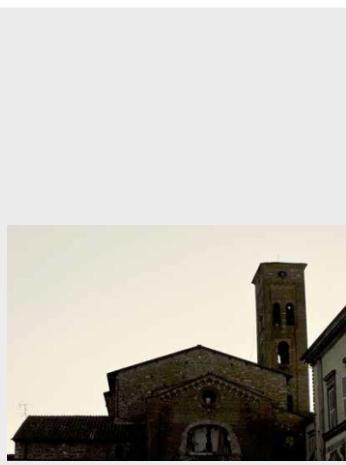
## КЛАРА ГОЛИЦЫНА - АНАТОЛИЙ ПУРЛИК: ТВОРЧЕСКИЙ ТАНДЕМ

Новый проект «Azarnova Gallery&Projects» представил Клару Голицыну с неожиданной стороны. Согласно концепции серии «Нарисуй мне это» (2013) Голицына создала живописные версии фотоснимков Пурлика. Фактически цветные фотографии Пурлика выступили в роли отправного пункта для масштабных живописных работ, в которых легко угадывается сюжетная основа. Творческий тандем Голицыной с Пурликом наглядно показал, что в современном искусстве станковая живопись и фотография комфортно существуют друг с другом, границы между техниками изобразительного искусства стираются, а важной остается суть художественного произведения.

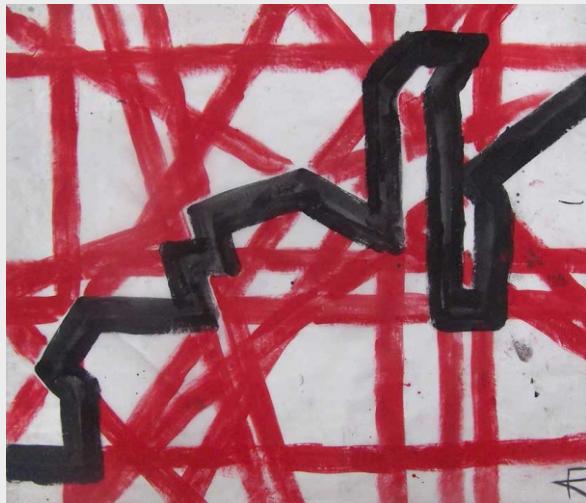
Сюжетный строй фотографической серии, находящей развитие в живописи, разнообразен и насыщен, представляет разные жанры. От концептуальных натюрмортов с классическим сюжетом мировой живописи – винными бутылками и бокалами в «Захмелевшем бокале» – до консервных банок с бычками, не менее органичных для мастерских художников, в «... бычки ушли самоходом в минобронсервис!», и других работ, раскрывающих бытие художника: «Мой Стол Lucca, или Нарисуй Мне Это», «Стол с причиндалами», «Начало Тринадцатого...!». К ним же примыкают интерьерные снимки «Раскладушка Белого Человека» и «Вход в келью», «Мой большой, субботний стол Lucca».

Отдельный пласт составляют концептуальные композиции с аллюзией на современную российскую действительность: «Редья ГИБДД», «MadeInRussia», «... кандидатская Урна московскАгомЕра в моём Пруду сегодня! Moscow 23.08.2013, или Танго с кандидатами».

Тема портрета раскрыта дружескими посиделками в барах в «Двое за пивом», родительской любовью в «без названия»



Lucca, или Пусть будет так



ния» и «... мадонъ с МЛАДЕНЦЕМ позируем для будущей картины Нашей Мамы МАРИИ!». В силуэте тени по-сибаритски гуляющего по залитой солнечным светом Москве в «Ветви и корни» легко угадывается сам Пурлик.

Наряду с натюрмортной и портретной составляющей не менее важна пейзажная линия серии. Урбанистические фотографии запечатлели виды Москвы и тосканской провинции. Вне географической привязки Пурлик исследует geniussoci, проникая в его заповедные уголки. «Песочница», «Азбука в песке», «Самоходный Семиствольный Аппарат Калашникова», «Монумент в таганском парке (остатки общественного туалета)» и «Lucca, или Пусть будет так», наконец. Тут важны не столько Россия и Италия, хотя разница между ними очевидна как в выборе сюжетной основы, так и в пространственной трактовке, сколько желание проникнуть в душу местности. Трогательно спящие на вентиляционных люках «бомжики» российского разлива в «Мотель на Абельмановской, или Бомжики отдыхают» и «...бездом на Пролетарке Moscow, или Сон бомжика» соседствуют с царственным образом черного кота-итальянца Аристотеля. То разомлевшего от летнего зноя в «... 33 в тени, вечер Lucca», то, наоборот, пребывающего в состоянии боевой готовности в «Три часа кота Аристотеля Lucca».

Названия работ метафоричные, поэтичные и афористичные, порой звучат как лозунги, а по сути представляют собой отдельные литературные зарисовки. Они являются путеводными нитями, раскрывающими смысл, который может быть не сразу очевиден для зрителя. Сюжеты обладают многослойной семантикой, их выбор говорит о многом, отра-

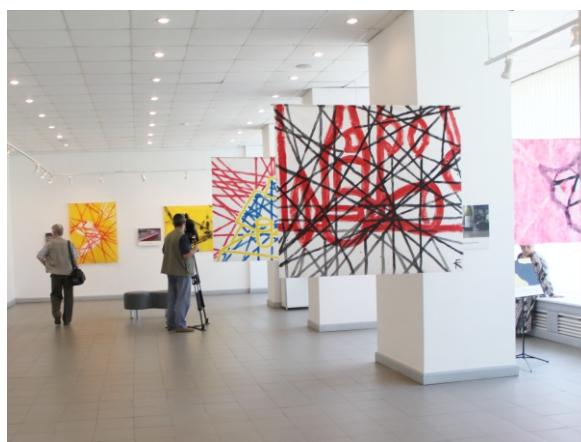
жает мировоззрение автора, им присущи изящество и глубина мысли. Пурлик создал настоящую трогательную, пронзительную и животрепещущую фотографическую сюиту. Взгляд на мир художника с тонкой доброй ironией, человека мыслящего, сочувствующего, слышащего и угадывающего красивое в обыденном.

Почерк Клары Голицыной узнаваем с первого взгляда. Ее произведения всегда отличали свобода и предельная выразительность, ясность ума и твердость духа. Энергия света, любви и оптимизма. Насыщенность светом и воздухом, построение композиции, само мышление по масштабности замысла и звучания сродни мастерам Ренессанса – Джотто, Дуччо и Мазаччо. Возможно ли передать дуновение ветра, ласку лучей яркого солнышка, тепло отцовского объятия и беззащитность новорожденного младенца с помощью насыщенных цветом геометрических линий и конструкций? Оказывается, возможно, и созданные на языке абстрактного искусства образы будут не менее убедительны и доступны для зрителя, чем фигутивное искусство. Для этого нужно владеть секретом абстракции, осмыслить мировое искусство, быть мастером.

Просто красота, просто чистая линия и жизнь, скрытая в геометрических конструкциях. Сейчас работы Голицыной – уже классика. А сравнительно недавно ее творчество было под запретом, как и все направления «неофициального искусства». И в наши дни Клара Голицына оказывает заметное влияние на российскую школу абстракции, на живописное искусство в целом, представляя свое, ни на кого не похожее направление, далекое от унылых опусов, заполонивших выставочные залы.

Проведение такой знаковой выставки – это большая творческая удача.

**Елена Садыкова,**  
кандидат искусствоведения



Фрагмент экспозиции в художественной галерее города Костромы

«ПОЧУВСТВОВАТЬ СКУЛЬПТУРУ КАК ЖИВУЮ ТКАНЬ...»

ИЗ ДНЕВНИКОВ ВЛАДИМИРА СМИРНОВА

Ночью на улице минус 20, днем минус 10 и ветер. Сейчас перейду Волгу по льду.

Ищу изменений в себе. Вновь утверждаю «взгляд». Ничего нет, кроме работы души. Ей надо создать возможность вершить созидание. Время – еще нет 10 утра. Ухожу из мастерской. Возможно, приду вечером.

3/IV-98

Р.С. Вечер. Открыл, начавшую крениться и подсыхать, давно ведомую, уже больше года, работу «Знак». Привнес новые изменения в выразительные средства. «Держать» большую работу нужна неутраченность чувств и эмоций – нужна адекватность чувств и эмоций и общего замысла композиции.

3/IV-98

Мне даны новые знания. У меня нет выбора. Чтобы иметь развитие начатого, я принимаю покой и труд. Мне радостно.

Р.С. Новое отношение к миру – это свобода. Свобода – это отношение к миру.

5/IV-98

Не откроется, и не придешь, если не жаждешь, если еще не готов, чтобы решиться на путь к светлому.

7/IV-98

И будет грандиозный труд, будет вечный гимн звучать созидания.

7/IV-98

Днем рисовал. Доводил тоном первые рисунки, начатые еще осенью. Думается, они приемлемы. Буду вечерами вновь обращаться к листу и туши. Тепло, плюс 4-5. Второй день всего тепло. Еще вчера перешел дважды Волгу.

Развернул работу «Джоконда». Это еще требует стечения всех обстоятельств, чтобы работа шла к гипсу.

8/IV-98

Как просто – принять «уклад», дарованный тебе Богом. Ты вновь помогаешь мне, Господи, сообщая слова. И нет места даже печали, печалью может быть сознание всех бед. Но принятие «уклада» решает все. Там и рождение, и смерть. Все почти беды от непринятия. Принятие «уклада» – вечный покой.

9/IV-98

Смерть надо любить, как и все, достойное любви. Смерть надо принять как аксиому. Наступает время к приходу к «программе». Бог сказал мне все – он привел меня к покою и осознанию времени и изменил качественно именно мое осознание всего – это очень похоже на свободу.

10/IV-98

Ночью выпал снег немного, и весна вновь наполнилась светом белым. Лед на Волге вновь, как новый лист белой бумаги, и еще ходят по тропинке через Волгу люди.

13/IV-98

Намело, как в феврале, что же ждет нас весной в этом году, верно, будет быстро таять. Волга без проталин и на ней снег.

Пришел делать герб – тоже испытание. Идет еще лепка в глине.

14/IV-98

Накануне светлого праздника Пасхи Господь даровал мне путь в бесконечное пространство. Это представилось мне магистралью – туннелем, полным света и стоящими в нем скульптурами, живописью, рисунками, стихами...

18/IV-98

Профессионализм – это покой. Это



Яблоко на ладони. 1997

внутреннее понимание процесса, его видения от начала до завершения. 2/VI-98 Творить любое дерзновение с чувством внутреннего покоя. Благодарю тебя, Господи, за это мое откровение, за это напутствие мне – ты веришь мне, знаешь, что жажду мечтаний делать.

3/V-98

На шаг, пусть на шаг, я решаюсь в «новое». Однажды – один путь. 4/V-98 Вчера был, можно сказать, первый майский достаточно затяжной дождь. Сегодня радостно зелень набежала на березы и будет радоваться на них долго, пока эта зелень светлая не будет шумной листвой.

6/V-98

Трудиться радостно и мощно – жить интересно.

8/V-98

Это прекрасное чувство, что тебя ничто не сдвинет в этом мире.

9/V-98

Свежо и солнце. Гладь Волги похожа на голубой лед. Чувство схожее с праздником – начинаю формовать герб. Принес воды – готовлю место к формовке.

11/V-98

Формую герб. И все же «Сад поэта»

близится.

12V-98

Форма снята, глина в мешках из полисти-лена – теперь надо сделать отливки в гипсе и герб будет.

Пусть близится мечтание мое – Сад Поэта.

15/V-98

Сегодня мечтания мои настолько Огромны, что захватывает дух. Сад Поэта – счастье.

16/V-98

В мастерской включен газ, сушил блоки. Душно. Идет расколотка форм. Сроки, вот в чем беда. Сейчас выйду на Волгу, посмотрю и снова в мастерскую. 20/V-98 Шумит вентилятор, на улице пасмурно, в мастерской очень жарко – надо сушить отливки, надо принять все испытания и знать, что они – настоящие испытания – еще впереди, в осознанной работе в системе большой программы.

21/V-98

Мечтания о Саде Поэта создают меня.

21/V-98

Время сжато, оно становится почти осозаемой материей – неким куском материала – она пока еще почва всхожести созидания, она еще пока жаждет новых работ пластики.

24/V-98

Сегодня довожу в глине, шкурю центр герба. Завершение близится. Сад поэта терпеливо ждет – у вечности какое-то

пренебрежение к секундам. Дай Бог разума!

26/V-98

Приближающееся счастье бежит в меня – нам вместе идти.

Довожу в гипсе геральдику герба. Завтра перевоз блоков на объект.

27/V-98

Герб смонтирован, в новом месте гипс недостаточно четок – надо прорезать по гипсу.

Эпопея идет к завершению. И вновь скажу – нет напрасных усилий. Все учит - удачи, и недоработки.

31/V-98

Герб смонтирован, довожу резьбой по гипсу. Работа не интересна – не учен читаемость издалека.

Мастерская ждет присутствия.

И все же шаг к «Саду» сделан.

5/VI-98

Иду к тебе «Сад» - иду.

10/VI-98

Моим мечтаниям нет конца. Это почти счастье. Счастье видеть их в пластике и решимость к их осуществлению создает меня.

26/VIII-98

Надо остановить такое понятие как «обреченнность дня». Надо строить свой день и находить в нем время «созидания главного». Это может быть и просто рисунок, но к нему надо идти, к нему день должен идти, все должно встретиться на белом листе.

30/VIII-98

Раскрыть работу, пусть она войдет в программу моих новых рассуждений. Вот уже 9 месяцев она в глине – надо войти в ее структуру и вести работу. Это мои новые переживания, это только портрет «Джоконды».

1/IX-98

Открыть работу, поговорить с ней, прикоснуться – назовем это счастьем.

4/IX-98

Вчера был, можно сказать, первый майский достаточно затяжной дождь. Сегодня радостно зелень набежала на березы и будет радоваться на них долго, пока эта зелень светлая не будет шумной листвой.

6/V-98

Трудиться радостно и мощно – жить интересно.

8/V-98

Пусть близится мечтание мое – Сад Поэта.

15/V-98

Сегодня мечтания мои настолько Огромны, что захватывает дух. Сад Поэта – счастье.

16/V-98

В мастерской включен газ, сушил блоки. Душно. Идет расколотка форм. Сроки, вот в чем беда. Сейчас выйду на Волгу, посмотрю и снова в мастерскую.

20/V-98

Шумит вентилятор, на улице пасмурно, в мастерской очень жарко – надо сушить отливки, надо принять все испытания и знать, что они – настоящие испытания – еще впереди, в осознанной работе в системе большой программы.

21/V-98

Мечтания о Саде Поэта создают меня.

21/V-98

Время сжато, оно становится почти осозаемой материей – неким куском материала – она пока еще почва всхожести созидания, она еще пока жаждет новых работ пластики.

24/V-98

Сегодня довожу в глине, шкурю центр герба. Завершение близится. Сад поэта терпеливо ждет – у вечности какое-то



Посвящение Аполлинеру. 1990

Материал подготовила В.ПРЯМИКОВА

Продолжение следует

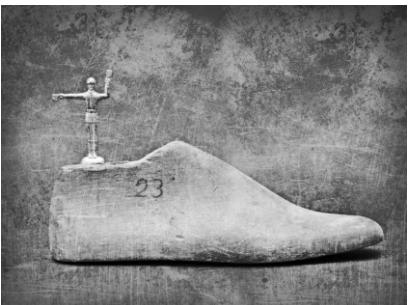
\*Продолжение. Материалы публикуются с №2 2004

Приятно, что прошедшие недавно в галерее выставки «Траектория души» Игоря Груздева и «Художник и книга. Со-отношения» (А.Аханов, О.Швейцер, В.Шлюндин, Кузя Зверев) вызвали интерес зрителей. Побывали на них и студенты факультета журналистики. Публикуем некоторые из их опусков.

### Николь Сергиенко

- Ой, там детки идут!  
- Они к нам?  
- Вроде, взрослые...  
- Да нет, класс пятый.  
- Шумные они какие-то...  
- Ну, это же дети...

Смотрители галереи встречают гостей. Дети, кажется, еще слишком маленькие, чтобы оценить, то что им сейчас покажут, но даже они затихли, когда вошли внутрь. Таинственная музыка, играющая в зале, где представлена выставка «бук-арта», слышна и в других залах. Прежде чем увидеть ее, ребятам предстоит пройти мимо фотографий Игоря Груздева. Дети останавливаются у фото ботинка, на котором стоит солдатик. Что-то страшное есть в этой фотографии...



И.Груздев. Арт-регулировщик. 2012

- О чём ты думаешь?  
- Холодно...

Девочка всматривается в фотографию, на которой человек переходит дорогу, а за его спиной что-то темное, похожее на пустоту. Даже ребенок почувствовал холод, исходящий от этой фотографии. У всех работ своё настроение. Трудно оторвать от них детей, чтобы показать выставку, ради которой они сюда пришли.

Как только заходишь в зал с афишей «Художник и книга. Со-отношения», на тебя смотрят головы, покрытые надписями. Дети разбегаются по залу и из всех уголков слышат восторженный шепот. Они еще не осознают всей глубины мыслей авторов этих работ, но книга в виде рук, кофейной турки, зеркал и проволоки... Это все поражает детское воображение. Особенно много эмоций и восхищений вызывает «Книга страховий». Сколько фантазии потребовалось автору, чтобы привязать к ботинку глобус, циркуль, перья, солому, компас, флюгер и еще вставить в них массу листочек из иностранной литературы и карт.

Детей почти «вытаскивали» из галереи. Как хорошо, что благодаря таким выставкам они могут приобщаться к культуре.

### Юлиана Богатова, Вольдемар Прок

«Каждую книгу нужно уметь читать», – сказал философ Блез Паскаль. Совершенно по-новому на книгу взглянули авторы выставки Александр Аханов, Ольга Швейцер, Виктор Шлюндин и Кузя Зверев. Они предложили зрителю научиться читать «живую» книгу.

К каждой книге гости подбирают свой «ключик», разгадывая её, додумывая, дорисовывая, сопоставляя свои мысли с идеей автора. Выставка основана на диалоге, на «со-отношениях»: автора – с его созданием, создания – со зрителем и зрителя – с автором.

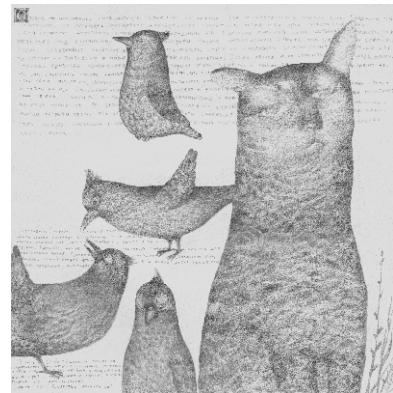
Первое, что привлекает внимание – арт-объект «История Афродиты, рассказанная ею самой». Голова греческой богини, как будто выплепленная из бумаги – из книжных листов – является преддверием, пред-рассказом о выставке. Зритель, словно околдованный, не может оторвать взгляд от работы А.Аханова, и тут – чудо! – оказывается, что текст можно прочитать! Афродита, действительно, рассказывает свою историю!

Затем обращаем взгляд на работы другого художника – О.Швейцер. Она погружает нас в мир сказки. Сказочные персонажи – очаровательный ежик, грозный кролик, печальный кот, окруженный птицами, соседствуют с фрагментами текстов на русском или немецком языке. Какие-то фрагменты зритель может прочесть и раскрыть, например, тайну задумчивого ежика, тогда как другие остаются для нас загадкой и позволяют воспринимать работы на уровне чувств.

Продолжая свой путь по миру живых книг, обращаемся к третьему художнику – В.Шлюндину – создателю рукотворных книг. Поноже, что его любимый автор Даниил Хармс: «Я многое тебе сказал, а ты обрезала ножом. Я подбегал к тебе четыре дня, в онко заглядывал, прищуря глаз. Я, брови строго сдвинув, стоял у косяка. В моих нострях в то время шла работа, а в легких воздух вентилировал». Текст стихотворения, выполненный особым шрифтом, будто действительно обрезанным ножом, заставляет остановиться и задуматься.

Оторвав взгляд от витрин с книгами поэтично-го Шлюндина, вглядываемся в похожие на комиксы листы Кузя Зверева. Привлекает работа «Возьмите котят». Это не может не тронуть. Далее – человек и собака и подпись – «Кто злее?» – вызывают улыбку... Просмотрев – прочитав! – несколько иллюстраций, понимаем, что автор обладает даром неиссякаемой иронии.

Под конец вновь возвращаемся к арт-объектам А.Аханова. Очень уж они необычные – мимо точно не пройдёшь! Это и «Книга безмолвия», и «Книга отражений», и «Повесть о сбежавшем кофе», которая, пожалуй, актуальна для любого времени, любого поколения. И каждый зритель понимает эту «повесть» по-своему. Для кого-то это «сбежав-



О.Швейцер. Охота на крапивника. 2013

шие» годы, для кого-то – мысли, возникающие у писателя по утрам, а потом нахально сбегающие, для кого-то это ассоциация с утром... Но больше всего удивляет работа «Книга сигнатура» – книга на ладошках. В них – целый мир. Живой книжный мир – рисунки, стихи, зачеркнутые строки... Мысли и сомнения творца. Творческий процесс создания книги, «мастерская писателя». Здесь ощущается какое-то особое тепло, особое отношение автора к книге.

Выставка не может оставить равнодушным ни одного зрителя. Каждый найдёт и «своего» художника, и «свою» книгу.

### Ирина Махолина

Удивление – вот основное чувство. Не предполагала, что художник может создать образ книги, вселить в него жизнь, и мы соприкасаемся с жизнью художественного образа – причем, первый импульс в восприятии детский, непосредственный, а потом уже мысль подключается. Очень хорошо, что есть экран, можно тексты прочитывать. Вообще, я открыла для себя «бук-арт».

Побывав в пространстве выставки мне очень, ну просто нестерпимо захотелось рисовать.



А.Аханов. История Афродиты, рассказанная ею самой. 1998

ВЫРАЖАЕМ БЛАГОДАРНОСТЬ ПОСТОЯННОМУ СПОНСОРУ НАШЕЙ ГАЗЕТЫ ИД «ЛИНИЯ • ГРАФИК • КОСТРОМА»

ГАЛЕРЕЯ

Адрес галереи Пл. Мира, 2 Тел. 51-64-45  
E-mail: kosgallery@yandex.ru  
Электронный вариант газеты: <http://kosgallery.ru/gazeta.html>

Номер подготовили: В.Пряников,  
Е.Громова  
Тираж 500 экз.

Газета отпечатана  
в ИД «Линия График Кострома»  
тел. 54-75-81